

О МЕТОДЕ И НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ОСОБОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается предложенный автором метод изучения Древней Руси как особой цивилизации, отличной от современной ей западноевропейской. Для обоснования этой гипотезы выделены отличительные условия и предпосылки создания древнерусской цивилизации, особенности ее социальной структуры, экономического уклада, политического строя, системы ценностей.

Ключевые слова: метод, история, Древняя Русь, цивилизация, общество полисного типа, вечевая монархия.

Метод изучения цивилизации как единицы социально-исторического процесса был предложен нами в 2002 году в брошюре, вышедшей в издательстве «Оренбургская губерния» небольшим тиражом (всего 100 экземпляров) [1]. Широкая научная общественность получила возможность ознакомиться с предлагаемым методом после выхода в свет статьи «К проблеме общественных формаций» в журнале «Вопросы философии» в 2003 году [2], а также ряда статей, вышедших ежегодно с 2005 по 2009 год в журнале «Вопросы истории» [3; 4; 5; 6; 7]. В них этот метод был использован на материале Древней Руси. В марте 2010 года результаты исследования были обобщены в монографии «Киевская Русь как цивилизация», опубликованной в издательстве Оренбургского государственного университета [8].

Данные публикации вызвали некоторые отклики. Краткое изложение нашей первой статьи, вышедшей в «Вопросах истории» [3], было представлено в журнале «Континент» в обзоре научной периодики по основным проблемам русской истории [9]. Некоторые соображения о политическом строе Киевской Руси, в частности о положении и сущности княжеской власти, были поддержаны И.В. Павловским в его докторской диссертации (2007 г.) [10]. Начинают признаваться факты существования свободы как одной из важнейших ценностей древнерусского общества. Например, С.В. Ткаченко, говоря о месте либерализма в русской истории, вынужден был отметить, что отдельные элементы либерализма прослеживаются на всем ее протяжении [11]. При этом он привел довольно значительную цитату из нашей статьи о социальном строе древнерусской цивилизации [4]

с подборкой данных о месте свободы в Древней Руси. В.В. Мещеряков в историографической статье о феномене дружинной верности дал краткое описание нашей точки зрения о понятии «древнерусская дружина» [12, с. 77]. И.В. Тушканов согласился с высказыванием об устойчивости понятия «русская цивилизация» в современной историографии. Украинский исследователь Лариса Нагорная, хотя и с оговоркой, приняла наше определение политического строя Киевской Руси как «вечевой монархии». В.С. Гнатко и В.И. Пештиев в книге, посвященной концептуальным поискам места корпораций в изменяющемся мире, отнесли нас к группе наиболее эмансипированных неомарксистов, увидев смысл предлагаемой концепции в замене понятия «формация» на понятие «социально-экономический уклад» [13]. А.И. Гусейнов высказался против идеи отказа от понятия «формация». Украинский историк Николай Мацкевич выразил неудовольствие отождествлением понятий «русская цивилизация» и «российская цивилизация». Яков Риер выразил несогласие с идеей существования древнерусской цивилизации, указывая на то, что выделение цивилизации предлагается на основе отдельных признаков и изучается вне общеевропейского контекста [14]. Должен заметить, что в статье «Образование древнерусской цивилизации», на которую он ссылается, попытка доказать существование особой цивилизации в Древней Руси не делалась. Данная мысль была в ней изначальной установкой. Что касается признаков цивилизации, в статье они играли роль основных фактов, которые свидетельствуют о динамике и времени зарождения цивилизации у восточных славян [8, с. 5–6].

Древнерусская цивилизация представляется нам частью ныне существующей русской цивилизации, о чем писали и пишут многие авторы. Наше мнение по данному вопросу было изложено в монографии «Киевская Русь как цивилизация». Хорошо известно, что до Петра Первого у России и Европы не было общей истории, а значит, не было и нет общих исторических переживаний. Русская история проходила не так, как европейская. Она не только умопостижима (если пользоваться выражением А. Д. Тойнби), но и гораздо более понятна вне европейской истории, чем в ее контексте. В противном случае возникает множество вопросов: почему в русской истории не было рыцарских турниров, крестовых походов, гербов, замков, вассалитета, цеховых организаций, борьбы городов за вольности, реформации, ренессанса, университетов, бродячих студентов, инквизиции, т. е. всего того, что создает зримый образ средневековой Европы и объединяет ее в единое историческое целое? Если всего этого в русской истории не было, то, что же общего остается в судьбе России и Европы, кроме социологических схем?

Теория общественных формаций, принятая в советское время и остающаяся во многом ведущей в современных исторических исследованиях, не может это объяснить. Более того, она неверно отражает исторический процесс. Марксистская схема смены формаций исходит из убеждения, что способы производства последовательно сменяют друг друга в определенном порядке: от жестких форм эксплуатации (рабство) к менее жестким (крепостничество, а затем найм). На самом деле, такой последовательности нет. Общество, независимо от эпохи или уровня развития, могло применять любой из этих способов и даже все сразу. Например, в Нововавилонской державе VI века до н. э. главную роль в производстве играли зависимые крестьяне (совсем как в феодалном обществе), широко применялся труд наемных рабочих (как при капитализме), использовались, конечно, и рабы [15, с. 132–133]. Подобные факты можно обнаружить практически во всех древних и современных социальных системах [8, с. 3–15].

Теория общественно-экономических формаций превращает исторический процесс в жесткую схему, где прошлое предопределено

будущим, вписано в уготовленную ему ступень развития. Часто это приводит к подмене объекта исторического исследования. В этом случае историки изучают не реальные особенности социального строя, характерные для того или иного исторического общества, а подгоняют существовавшие социальные системы под заранее заданную схему.

Цивилизационный подход, призванный заменить теорию формаций, вызывает немалые трудности. Страдает он прежде всего нечеткостью основополагающих понятий, в том числе главного среди них – «цивилизация». Чаще всего историки под цивилизацией подразумевают социально-культурную систему, для которой характерно наличие развитой технологии, хозяйственной специализации, производство предметов роскоши, социальная стратификация, города, государство, монументальная архитектура и т. п. [16, с. 13]. Признавая справедливость подобного взгляда, следует заметить, что за каждым из перечисленных признаков скрываются отношения между людьми, социальные статусы и роли. Цивилизация, в первую очередь, общество, и потому основной смысл ее как явления мировой истории заключается в той или иной системе социальных связей.

Идеальная модель цивилизации – это система, при которой человек полностью освобожден от необходимости трудиться. Реальные цивилизации, с древности и до наших дней, содержат эту идею в потенции, она – путеводная нить, программа, по которой разворачивается процесс человеческой истории. Очаговые цивилизации всех времен и народов – воплощение идеи «освобождения» для «избранных». Рабовладельцы древнего мира были первыми цивилизованными, по-настоящему свободными людьми, потому что им не нужно было трудиться, за них это делали рабы, которые не воспринимались как члены общества и даже за людей не считались. Феодалы-крепостники тоже видели в крестьянах рабочий скот, а не людей. Отсюда следует, что и социально-экономический уклад, который лежит в основе любой цивилизации, имеет смысл лишь как система отношений, присущая цивилизованным, то есть освобожденным от труда людям. А различия в системе, которые имеют место у известных нам цивилизаций, должны лечь в основу их типологии.

Понять историю какой-либо цивилизации – это значит уяснить ее тип и особенности. Типологические черты цивилизации определяются социально-экономическим укладом и базовыми ценностями, которые находятся в неразсторжимом единстве. Ядро социальной структуры образуют слои, освобожденные от необходимости заниматься производительным трудом. Отношения внутри этого слоя определяют образ цивилизации в целом. На основе культурно-экономического базиса этих отношений можно выделить три основных типа цивилизации, присущих сельскохозяйственному обществу: полисный, вотчинный и феодальный. В основе полисного типа находится верховная собственность на землю городской общины, вотчинного – царя (государя), феодального – землевладельцев, связанных между собой отношениями вассалитета. Очаговая цивилизация может сочетать различныеклады. Ее тип определяется преобладающим, основным, тем, который формирует отношения среди элиты.

Такой подход к историческому материалу дает возможность изучать общество, как оно есть, не подгоняя его социально-экономические, политические или культурные черты под какой-нибудь «прогрессивный» образец. При определении типа цивилизации можно использовать данные материальной культуры, поскольку тип отношений в социальном ядре воплощается в строго определенные культурные формы, спутать которые практически невозможно. Это особенно важно для зарождающихся цивилизаций, которые возникают на базе первобытного общества. Для полисного типа характерно наличие городов с полицентричной структурой, для вотчинного – величественных царских дворцов, для феодального – замков. Данные материальной культуры, постоянно пополняемые благодаря археологическим раскопкам, можно использовать и для датировки времени возникновения цивилизации. Об этом совершенно определенно говорят такие факты, как наличие городов, монументальной архитектуры, производства и распространения предметов роскоши, письменность. Сведения о зарождении цивилизации дают косвенные данные о возникновении государства – проблемы, которую часто нельзя решить, опираясь на письменные источники (ввиду их незначительности и фрагментарности для этой эпохи).

Исследование Киевской Руси при помощи данного метода позволило во многом иначе взглянуть на процесс возникновения государства, определить особенности социального и политического строя, этапы развития и культуру. Получилась картина частично похожая на ту, что рисовали дореволюционные русские историки разного времени – рационалисты, романтики, позитивисты, частично похожая на картину, которую писали советские историки, но в целом – совершенно новая.

Древнерусская цивилизация сложилась на основе ряда восточнославянских территориальных (или племенных) союзов. Ядром новой социальной общности стали поляне, словене и кривичи. В создании цивилизации восточных славян приняли участие и представители чуди, веси и мери – финно-угорских племен. Организующую роль сыграли русы, происхождение которых не совсем понятно и вызывает массу догадок и споров. Как бы то ни было, есть основание полагать, что ко времени возникновения древнерусской цивилизации они были славянами. Об этом, в частности, говорят договоры Руси с греками, которые свидетельствуют о славянском языке и религии русов, а также политическая терминология, принятая в древнерусском обществе: князь, посадник, тысяцкий, сотские, старосты, вече.

Условия для возникновения цивилизации были подготовлены развитием у восточных славян сельского хозяйства. Прежде всего это связано с началом использования озимой ржи. Первые находки этой культуры были сделаны археологами в городище Свила I (Витебская обл.) и относятся к IX веку. Озимая рожь менее требовательна к наличию в почве питательных веществ и лучше других злаковых приспособлена к выращиванию на окультуренных землях. Кроме того, она отличается неплохой урожайностью и относительной стабильностью, что очень важно в наших климатических условиях. Озимая рожь давала возможность прокормиться не только самим пахарям, но и содержать князей, воинов, ремесленников, художников, строителей, слуг, скоморохов и т. п. Выращивание озимой ржи косвенно свидетельствует о переходе восточных славян к интенсивной системе земледелия, поскольку она высевалась по пару. Применение паровой системы увеличивало производительность земли

в 10–15 раз. По мере развития цивилизации доля посевов озимой ржи – а значит и доля трехполья – постоянно росла. В X–XIII веках рожь занимает первое место среди зерновых культур, а в XIII–XV столетиях – превышает общее количество яровых.

Второй важнейшей предпосылкой создания древнерусской цивилизации было вовлечение Восточной Европы в международную торговлю. Через земли восточных славян проходят крупные торговые пути, благодаря которым славяне получают возможность обмениваться с другими странами и народами экономическим и политическим опытом. Оживленная торговля вызвала появление в этих местах военно-торговых, по сути разбойничьих, дружин, занимавшихся набегами на славянские поселки, которые служили им источником меда, меха и рабов – главных предметов торговли. Основу этих отрядов составили русы. Постепенно в состав дружин вливались и представители других народов. К X веку эти разноплеменные, но говорящие на одном славянском языке объединения, оторванные от производительного труда, послужили основой для формирования ядра древнерусского социального организма.

Становление цивилизации у восточных славян приходится в основном на X столетие. К этому времени относится появление первых русских городов, письменности, монументального зодчества, производства предметов роскоши и других признаков цивилизованного образа жизни. На рубеже IX–X веков городские признаки приобретает Киев и, почти одновременно с ним, Ладога. Здесь впервые на Руси распространяется дворово-уличная застройка, характерная для древнерусских городов, появляются деревянные мостовые и водотводные системы. К середине X века городом становится Новгород, а в конце столетия – Полоцк и Чернигов. Серединой X века датируются первые находки инструментов для письма на бересте (писала). Этому времени принадлежит и первая надпись, сделанная на древнерусском языке кириллицей (горухща). Самое раннее монументальное сооружение на Русской земле было построено только в конце X века. Это Десятинная церковь. Большинство находок инструментов и приспособлений ювелиров также не древнее X столетия. Красноре-

чивы и материалы кладов из монет, женских украшений, слитков серебра и золота. Наиболее древние из них относятся к рубежу IX–X веков. Однако основная масса кладов приходится на вторую половину X – середину XIII в.

Русская цивилизация складывается в результате взаимодействия славян с местным населением (в основном финнами) и норманнами. Летописцы начинали процесс образования Русской земли с появления в этих местах Рюрика со своими братьями. Книжная легенда о призвании варягов отражает попытку осмысления этого процесса летописцами конца XI – начала XII века. Сведения легенды – по летописной хронологии, относящиеся к 862 году, как и более поздние (о Рогволоде и Туре) – раскрывают ход этого сложного и туманного процесса: появление отрядов во главе с Рюриком, Синеусом, Трувором, Аскольдом, Диром и другими неизвестными нам предводителями, разбой и сбор дани с местного населения, борьбу словен, кривичей и финских племен с варягами, попытки установления контактов и мирные переговоры. Иначе говоря, данные легенды отражают формирование одной из предпосылок возникновения цивилизации, а не процесс ее создания.

Древнерусская цивилизация складывается на юге восточнославянского мира, вдали от беспоконных варягов, но у самых ворот Хазарского каганата. Точкой отсчета русской цивилизации является возникновение первого городского поселения – Киева, названного летописцем *«матерью городов русских»*, т. е. *метрополией*, *основателем русских городов*. Согласно летописи князь Олег, по прозвищу «Вещий», с войском, в составе которого были русы, словене, кривичи, чудь, весь и меря, захватил в 882 году киевскую крепость, где сидели Аскольд и Дир, и сделал ее своей резиденцией. Русская земля рождается путем слияния в одно объединение пришедшего с Олегом войска и местного Полянского союза. Следом начинается строительство киевских городов-колоний, среди которых были Ладога, Новгород, Полоцк и Чернигов, «примучивание» и обложение данью соседних славянских племен – древлян, северян, радимичей и других. За двести лет Киев осваивает практически все восточнославянские земли. Новые города заселяются представителями различных племен. Этот способ заселения прослеживается в летописном рассказе о строительстве Бел-

города князем Владимиром Святославичем и в сообщении о возведении им же безымянных городов для отражения набегов печенегов. Очевидно, речь идет о явлении, известном с глубокой древности и называемом обычно принудительным синойклизмом.

Социальная структура Древней Руси складывалась в рамках замкнутых социальных слоев: великие бояре, меньшие бояре, нарочитые мужи и сельские люди (смерды), имевшие различные степени социального престижа, идеалы поведения и предпочтительные профессии. Переход из одного слоя в другой отсутствовал. Существовала только экономическая мобильность внутри каждой из них. Вертикальная закрепощенность социальных групп сочеталась с высокой горизонтальной мобильностью. Особенно были подвижны князья, бояре, купцы, монахи, паломники, скomorохи и зодчие. Большую роль играла колонизация в виде организованных властью переселений и исхода избыточного населения в необжитые места.

Основу социального ядра древнерусской цивилизации составляли бояре, главным занятием которых была война, а защита Руси – основным социальным долгом. Бояре были крупными землевладельцами, ростовщиками, государственными деятелями. В числе привилегий боярства значится право участвовать в управлении обществом – в качестве должностных лиц (посадников, тысяцких, сотских и т. п.), советников князя и участников вечевых собраний. К числу слоев, освобожденных от производительного труда, следует также отнести гридей и огнищан – часть нарочитых мужей. Гриди, подобно боярам, были воинами – ходили с князем в походы, пировали вместе с боярами на княжеском дворе или в тереме. Очевидно, как и бояре, гриди владели земельными угодьями. Огнищане – часть городского населения, представители которой шли на службу в княжеский двор различного рода управляющими. Обществом этот шаг воспринимался как временная потеря свободы. Ни бояре, ни гриди, скорее всего, не считали их равными себе.

Социальное ядро в Древней Руси было объединено в общины разного уровня. В источниках они носят название *дружины*. Источники рисуют древнерусскую дружину коллективом землевладельцев (берестяная грамота №850), частью города и порой довольно зна-

чительной – улицей или концом (берестяные грамоты №109, 115, 724) или городской общиной в целом (Ипатьевская летопись под 1015, 1147, 1148, 1152 и др. гг.). В «Русской Правде» дружина отождествляется с вервью (ст. 5 ПП), а в «Хождении» игумена Даниила русской дружиной называется временное объединение паломников. Летопись знает также и другие значения слова: городское войско, близкое окружение князя, городская старшина.

Верховным собственником земли в Киевской Руси был город, в социально-экономическом смысле представлявший собой общину землевладельцев, т. е. все ту же дружину. В первую очередь об этом свидетельствует жалованная грамота Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю [17, №82.]. Согласно грамоте, желая передать монастырю село, князь предварительно просит разрешения на это у Новгорода. В Ипатьевской летописи под 1150 годом рассказывается о том, что киевляне, покинувшие город вместе с отвергнутым князем, потеряли свое имущество и села [18, стб. 409.]. Следовательно, частное землевладение в Киеве было тесно связано с верностью своему городу-общине, а не князю, что говорит об отношении того же типа, которые отразились в новгородской грамоте. Об этом же свидетельствует полицентричная структура крупнейших древнерусских городов (Киева, Новгорода, Владимира и др.), отсутствие на Руси княжеских дворцов и боярских замков [8, с. 234–235].

Социально-экономический строй поддерживался системой соответствующих ценностей, среди которых структурное значение имели патриотизм, свобода и братство (взаимопомощь). Наиболее заметное место среди ценностей в источниках занимает «Русская земля». Патриотизм, судя по всему, культивировался в Древней Руси как необходимая составляющая образцового стиля жизни. О значении «свободы» говорит убеждение древних русичей, согласно которому любая служба по существу равносильна рабству, о чем свидетельствует Даниил Заточник [19, с. 228]. Не менее красноречивы данные древнерусского законодательства. В Правде Ярослава из 17 статей 10 посвящены правам личности. Они защищают честь, достоинство, жизнь, здоровье и имущество свободного русича. О роли

понятия «братство» говорит тот факт, что ради своей дружины русичи готовы были погибнуть в бою (речь Игоря сразу после затмения солнца в «Слове о полку Игореве», сообщение летописей под 1043 годом о воеводе Вышате). Обязательства перед коллективом были сильнее, чем угроза смерти. Система ценностей, принятых на Руси, рисует древнерусское общество братством свободных и храбрых воинов, для которых интересы родины были гораздо важнее собственных, семейных или корпоративных. Ясно, что они отражают отношения прежде всего в социальном ядре, однако данный образец распространялся и на все остальное общество. Данной системе ценностей полностью соответствует экономический уклад, основанный на верховной собственности города на землю. Все это позволяет определить древнерусскую цивилизацию как **общество полисного типа**.

Как политическое целое Русь представляла собой особого рода империю, организованную по образцу *племени*: материнская община Киева – дочерние общины других стольных городов – единый княжеский род. Не случайно для князей Русская земля и род (в смысле «племени»), за благополучие которого они несут ответственность, – одно и то же. При этом Киев никогда не был официальной столицей, оставаясь, по выражению Святослава Игоревича, «середой» Русской земли. Иначе говоря, он был главной «материнской» общиной, крупным экономическим и культурным центром и благодаря этому наиболее привлекательным местом для «старейшего» русского князя, т. е. политическим средоточием «империи».

Центральное место в политической системе занимал **князь**. Как и в языческие времена, он являлся сакральной, мистической фигурой, обладающей достаточно большой властью. Князья были самыми богатыми людьми на Руси и обладали такими состояниями, которые позволяли им без особого ущерба кормить массы народа, устраивая общественные пиры, и содержать относительно крупные вооруженные силы, подчиненные только им (отроки, детские). Это позволяло иной раз применять прямое насилие над горожанами. Князь пользовался уважением со стороны населения – при встрече с ним принято было кланяться до земли. При этом он мог злоупотреблять своим по-

ложением без каких-либо последствий для себя. Но князь не только не был самодержцем, как думали русские историки XVIII века, его вообще настоящим монархом можно назвать с трудом. Власть его была значительно ограничена княжеским родом и самим обществом, собиравшимся для решения насущных вопросов на общее собрание – вече. По мере развития цивилизации заметно стремление городов как можно больше ограничить его роль и влияние. Князь выполнял ряд важнейших функций: военную (организация и руководство боевыми действиями и сбор дани), судебную и законодательную. Вместе с тем практически в любой сфере деятельности у него были дублеры. Наряду с князем военные, судебные и законодательные полномочия имели посадники и тысяцкие, а верховным правом принимать и менять законы обладало вече. Князь в своей деятельности опирался на ближайшее окружение, которое состояло главным образом из городской верхушки.

Основным политическим обычаем в Киевской Руси было **вече** – способ решения общих вопросов на собрании полноправных членов общины – городской или какой-либо другой. В общегородском вече участвовали князь, тысяцкие и другие должностные лица города (люди старейшие), бояре, гриди (житьи люди) и купцы, что отразилось в начальном протоколе вечевых грамот. В летописях – Новгородской первой, Ипатьевской и Лаврентьевской – можно найти более 200 упоминаний вечевых сходок, главным образом косвенных. Чаще всего прямые указания на вече заменяются выражениями: «сдумаша», «и реша себе», «призваша», «выгнаша», «послаша», «не прияша», «ркоша», «созва», «целоваше... крест», «съехашася», «даша», «отяша» и тому подобное – в том случае, если они относятся к горожанам и касаются общегородских дел. На вече мог быть поднят и решен любой вопрос. Собиралось оно нерегулярно, по мере необходимости, с помощью специального вечевого колокола. В качестве городов, где проходили вечевые собрания, известны: Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов, Галич, Владимир, Суздаль, Звенигород, Вышгород, Полоцк и другие. Во многих из них археологи обнаружили специальные вечевые площади, которые, судя по летописным данным,

были оборудованы скамьями и другими приспособлениями для правильного ведения собрания – степенью (подобно лобному месту на Красной площади в Москве), где находился президиум вечевого собрания, и с которого выступали ораторы, а также вечевым колоколом. Такой политический строй мы предлагаем называть «вечевой монархией».

Своеобразие цивилизации в Древней Руси связано с особым религиозным фоном. Русь на этапе становления приняла христианство, однако вплоть до монгольского нашествия жизнь древних русичей определялась не православными канонами, а **языческими традициями**. Понятие «мужественности» в древней Руси предполагало такие признаки как храбрость, сила, решительность и ум. «Женственность» –

красоту, доброту, нежность, чувственность, ум и сексуальность. Телесный канон древнерусского общества воплощал в себе идеи плодородия, сладострастия, красоты и свободы сексуальных отношений. Преобладал языческий брак, который заключался просто и разрушался также просто.

В своем развитии Киевская Русь прошла два основных этапа: 1) этап становления (конец IX – начало XI века) и 2) этап роста (XI – первая треть XIII века). Древнерусская цивилизация не успела достигнуть вершины своего развития. На стадии подъема она была разгромлена монгольскими полчищами, которым не смогла противостоять. Ее развитие было прервано и под влиянием внешних условий пошло совсем по другому пути.

10.04.2012

Список литературы:

1. Поляков, А.Н. Проблемы методологии в исторической науке. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2002. – 35 с.
2. Поляков, А.Н. К проблеме общественных формаций // Вопросы философии. – 2003. – №6. – С. 3–15.
3. Поляков, А.Н. Образование древнерусской цивилизации // Вопросы истории. – 2005. – №3. – С. 72–89.
4. Поляков, А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории. – 2006. – №9. – С. 67–87.
5. Поляков, А.Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя // Вопросы истории. – 2007. – №3. – С. 50–70.
6. Поляков, А.Н. Древнерусская цивилизация: вехи развития // Вопросы истории. – 2008. – №9. – С. 70–81.
7. Поляков, А.Н. Древнерусская цивилизация: вопросы социальной мобильности // Вопросы истории. – 2009. – №9. – С. 65–81.
8. Поляков, А.Н. Киевская Русь как цивилизация. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2010. – 484 с.
9. Денискин, А. Проблемы российской истории и современности в русской периодике первого квартала 2005 г. // Континент. – 2005. – №124 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/124/bsk12.html> (дата обращения: 17.04.2012).
10. Павловский, И.В. Государство и общество средневековой Руси: западные влияния и отечественный культурный фон: автореферат дис... докт. ист. наук. – М., 2007. – 47 с.
11. Ткаченко, С.В. Правовые реформы в России: проблемы рецепции Западного права. – Самара: Самарский ун-т, 2007. – 534 с.
12. Мещеряков, В.В. К вопросу о степени изученности феномена дружинной верности в отечественной исторической науке // Известия Российского государственного педагогического университета. – 2008. – №85. – С. 73–80.
13. Гнатко В.С., Пефтиев В.И. Корпорации в трансформирующемся мире: концептуальные поиски. – Ярославль: Электро-Сервис, 2005. – 163 с.
14. Риер, Я.Г. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. – 2007. – №19–20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/ri25-pr.html> (дата обращения: 17.04.2012).
15. Дандамаев М.А., Виноградов И.В. Нововавилонская держава и поздний Египет // История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ / Отв. ред. И.С. Свенцицкая. – М.: Главная редакция вост. литературы изд-ва «Наука», 1983. – С. 127–140.
16. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 556 с.
17. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. – 407 с.
18. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.
19. «Слово Даниила Заточника» // Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 150–171.

Сведения об авторе:

Поляков Александр Николаевич, доцент кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 3405, тел. (3532) 372572, e-mail: ir@mail.osu.ru